С О О Б Щ Е Н И Я

Ранняя стадия развития феодализма в Чехии

Франтишек Граус

Фальсификация древней истории народов началась одновременно с её изучением. Первыми историографами были хронисты-священники — местные и иностранные. Их отношение к прошлому народов определялось тем, когда тот или иной народ принял христианство. Так, хронисты изображали славян до принятия христианства как совершенных дикарей, не знавших ни порядка, ни государства и только благодаря полам переставших уничтожать друг друга. Типическим примером подобного изображения древних славян является «Cronica Slavorum» немецкого монаха Гельмольда. И местные хронисты находились под влиянием подобных оценок прошлого славян, и только авторы двух житий св. Вацлава попытались «защитить» древних чехов, утверждая, что моравяне приняли крещение ещё во времена св. Августина¹.

И в эпоху гуманизма историки смотрели на так называемое средневековье с глубоким презрением, считая людей этой эпохи «варварами» и полудикарями. Однако эта характеристика относилась уже одинаково и к христианам и к язычникам. Так смотрели на первоначальный период чешской истории и чешские гуманисты. В то же время они наполняли страницы истории Чехии массой вымышленных лиц и событий: таким историком был, например, Вацлав Гайек из Любочан (умер в 1553 г.).

Критической разработкой древнейшей истории Чехии начала заниматься уже зрелая буржуазная историография. Буржуазные историки старались доказать сравнительно позднее происхождение отдельных прав и привилегий правящих феодалов; с этой целью Геласий Добнер (умер в 1790 г.) и Иосиф Добровский (умер в 1829 г.) стали заниматься также и древнейшей чешской историей. Чешские историки находились в плену романтических представлений немецкого философа Г. Гердера. По их мнению, славяне долгое время оставались примитивными, не испорченными культурой. В этой «примитивности» славян романтики видели залог грядущего обновления Европы. Подоб-

ные идеи разделял и Франтишек Палацкий, который в первом томе своей «Истории чешского народа в Чехии и Моравии» изображал славян в виде мирных свободных людей, живущих в «демократическом» обществе. В. Ганка, чтобы подтвердить такие воззрения, даже осуществил несколько подделок (так называемые «Рукписи»), выдав их за подлинные древние творения чешского народа.

Но если романтики оценивали мнимую примитивность славян положительно, то в эпоху империализма в Германии эти легенды были поставлены на службу завоевательным устремлениям германских империалистов. Империалистические историографы стали сочинять целые книги об отсталости славян, утверждая, что чехи познакомились с земледелием и со всем техническим прогрессом только через немцев. Эти теории достигли апогея в расизме, который утверждал «превосходство немецкой расы». При посредничестве немцев эти взгляды проникли во всю буржуазную историографию.

Чешские учёные посвятили древнейшей истории Чехии два многотомных труда: археолог Л. Нидерле труд «Slovanské Starožitnosti» и историк В. Новотны — труд «Česke dějiny». Другие чешские историки или принимали, по существу, взгляды немецких историков (как И. Пекарж и его школа) или же старались создать свою собственную славянскую историю, в основном придерживаясь оценок Гердера. Буржуазные историки права выдумали целую систему славянского права, лишь бы уклониться от признания классового основания истории.

Между тем классики марксизма заложили чёткие научные основания для изучения древнейших эпох истории. Маркс указал на то обстоятельство, что в своих основах славянская и германская общины вообще не имеют существенных различий², а Ф. Энгельс в своём классическом труде «О происхождении семьи, частной собственности и государства» установил, что решающими факторами в развитии народов являются складывающиеся классы и их взаимная борьба. Огромной заслугой советской историографии является то, что она дала марксистское объяснение древнейших этапов развития славянских народов и тем наметила пути

¹ Это сообщение читается в легенде «Diffundente sole» (Fontes rerum bohemicae, I, стр. 191) и в легенде так называемого Христиана (там же, стр. 200), время составления которой до настоящего дня спорно.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 126—127; см. История СССР, I, стр. 68. 1947.

для научного понимания этого этапа истории вообще. Б. Д. Греков при оценке «Русской правды» прибег к сравнению её с источниками других народов и доказал ошибочность теорий, считающих феодализм у славян чем-то исключительным и единственным³. Работы Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и Л. В. Черепнина — назвём хотя бы несколько имён — являются основой для подлинно научного понимания истоков чешской истории — понимания, освобождённого от лжи и прикрас, нагромождённых церковной, дворянской и буржуазной историографией. Настоящий очерк является попыткой использовать достижения советской историографии для изучения древней истории чешского народа.

Прежде чем начать характеристику древнейшей Чехии, необходимо сказать несколько слов о существующих важнейших источниках изучения того периода. Прежде всего здесь нужно упомянуть археологический материал, в том числе в особенности остатки старославянских орудий. После Л. Нидерле, сделавшего попытку подвести итоги всего добытого по древнейшей истории чешских славян, ни один археолог ещё не предпринял в таком масштабе пересмотр соответствующего материала. Новейшие чешские работы И. Бёма и И. Филипа подытоживают современное состояние археологического изучения, но это всё же лишь обзоры общего характера.

Мы можем на основании археологического материала констатировать, что чешские славяне уже в доисторическую эпоху были в большинстве своём земледельцами. При раскопках древнейших славянских поселений среди костей животных 99% — это кости домашних животных. Встречаются злаки: просо, несколько сортов пшеницы, ячмень, овёс, жито, — бобовые растения, мак, репа, конопля, лён, остатки фруктовых деревьев. Археологические находки говорят о технических достижениях чешского земледелия (наличие серпов, кос, сохи, ножей для стрижки овец, железных рам для обивки деревянных дошат, хорошо оформленных топоров). Если прибавить к этому ещё встречающиеся в древнейших актах упоминания виноградарей, пастухов, хмелеводов и т. д., то мы получим некоторое общее представление об уровне технического развития чешского земледелия в начале так называемой исторической эпохи⁴.

Что касается письменных источников, то в отличие от «Русской правды» мы не имеем сборников чешского права древнейшей эпохи нашей истории. Статуты, относящиеся к

концу XII в. (так называемые «Statuta Congradi»), сохранились только в трёх редакциях XIII в.; об устанавлении князя Бржетислава (XI в.) мы узнаём только из сообщения хрониста Козьмы⁵. О Чехии имеется очень мало известий арабских путешественников; собственно, только один из них — Ибрагим ибн-Якуб — действительно был в Чехии, и только его известия можно использовать. Правда, долгое время истории, исходя из предпосылки о примитивности славян, переносили механически на чехов все известия о славянах вообще.

Таким образом, из письменных источников нам остаются для изучения древней эпохи чешской истории только местные жития (легенды), хроники и акты. Самые древние из сохранившихся житий (до конца X в.) — это жития Кирилла и Мефодия и легенды о св. Вацлаве, а именно — старейшая старославянская легенда и несколько житий латинских⁶. Древнейшие акты чешского и иного происхождения имеются ныне в критическом издании Г. Фридриха⁷. Древнейшим чешским актом, сохранившимся в подлиннике, является акт об основании капитула в Литомержицах, составленный около 1067 года⁸. Существовали, видимо, и более древние чешские акты до половины XI в., но они в подлинниках не сохранились. Древнейшей хроникой чешского происхождения является хроника Козьмы, декана пражского капитула (умер в 1125 г.). Она излагает историю Чехии от «прихода в страну» до эпохи, современной хронисту. Конечно, эта хроника искажает во многих отношениях ход чешской истории как под влиянием церковников, так и вследствие того, что учёный Козьма многие рассказы приукрашивал мотивами из римской мифологии.

О родовых отношениях у чехов говорит в начале своей хроники Козьма. Он повествует о приходе чехов в страну и об их первоначальном имущественном равенстве. Хронист, правда, сам называет своё изложение «баснями стариков». Современные исследователи выяснили, что Козьма при изложении древнейшей истории использовал много чужих источников. Хроника Козьмы не может поэтому служить доказательством существования родового строя в Чехии ещё в IX столетии; она является лишь отголоском народных преданий.

Рассказ Козьмы принял и несколько расширил неизвестный автор, живший в начале

⁵ II, 4 к г. 1039 (новейшее издание Бретгольца, стр. 86—89).

⁶ Краткий обзор древнейших житий и легенд и их изданий и хронологическое их распределение, в нескольких случаях, правда, спорное, даёт В. Халопецкий в статье «Князь св. Вацлав» («Český časopis historický», 1946, стр. 4—5). Нельзя, однако, согласиться с этой статьёй в целом.

⁷ Codex diplomaticus et epistolarius regni Bohemiae, sv. I—III. Прага. 1904—1942 (цитирую далее сокращённо — CDB).

⁸ CDB, I, № 55, стр. 53—60.

³ См. Б. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М. 1937; его же. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в., стр. 262 и сл. М.—Л. 1946.

⁴ Арабский путешественник Ибрагим ибн-Якуб подтверждает для X в. знакомство западных славян с трёхпольной системой хозяйства (новейшее издание — T. Kowalski. Pomniki Dziejow Polski, seria II, tom I, str. 149. Kraków. 1946).

XIV в., в так называемом Далимиле⁹; он пишет, что чехи в начале «*vyše zbožj'e obecně jmeješichu*», но сейчас же прибавляет, что с тех пор прошло уже «очень много лет». Иных отголосков родового строя мы почти не находим в источниках. Сохранилось, правда, ещё в XIV в. название «община» для обозначения совместного владения всех крестьян¹⁰; общим владением было и так называемое «*kobyli pole*» рождерской книги¹¹. Арабский купец Ибрагим ибн-Якуб, упомянутый выше, ничего не говорит о родовом строе у чехов.

Мы имеем право утверждать, что Чехия в X в. уже преодолела этап родового строя. Доказательством здесь могут служить уровень развития производственной техники, о которой я упомянул выше, и существование государства, о котором сообщает хроника Фредегара уже в VII веке. Историография раньше обычно предполагала, что здесь речь идёт лишь об изолированном историческом эпизоде, недооценивая развитие тогдашней общественной жизни. Однако в работе Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства» (имеется и в чешском переводе) выяснено, что дело идёт не о каком-нибудь «случае», а польский историк Г. Лабуда предполагает, кажется, вполне справедливо, что у западных славян шло непрерывное развитие государства со времён государства Само до X века¹².

Жития, хроники и акты ясно свидетельствуют о том, что в Чехии в X и XI вв. существовала уже совершенно развитая и ничем не ограниченная частная собственность на землю. При упоминаниях о пожаловании земли церковным учреждениям нигде не встречается ссылок на согласие рода; разве только у правящего рода Пржемысловичей можно заметить остатки родового владения. Родовой строй в Чехии был уже в состоянии разложения; напомним, что король Пржемысл I Отокар в 1222 г. пожаловал — как особую милость — жителям деревни право, согласно которому они должны были впредь платить штрафы за кражи не как отдельные лица, но как село в целом¹³. Из жалованных грамот шляхты различным монастырям можно заключить, что земельные

владения монастырей были рассеяны по всей стране (ср. ниже); это обстоятельство несовместимо с существованием родового строя.

Сеньорат уже в XI в. был настолько бесспорным явлением, что Козьма вообще не помнит, чтобы когда-нибудь мог наследовать кто-либо иной, кроме старшего сына¹⁴. Вспоминая первичный феодализм в Западной Европе, мы можем утверждать, что победа сеньората означала уже довольно развитую ступень феодального строя. Таким образом, при внимательном исследовании наших древнейших источников нельзя придти к иному решению, нежели то, к какому пришёл Б. Д. Греков при разборе древнейших русских источников; а именно, что «в древнейших дошедших до нас русских памятниках мы видим уже классовое общество, имеющее за собою солидное прошлое»¹⁵.

Следующая проблема, которую надо решить: не господствовал ли в Чехии в древнейшее время рабовладельческий общественный строй? Как справедливо указывается в советской историографии¹⁶, этот вопрос решается для каждого народа на основании разбора конкретного материала.

В житиях (легендах), хрониках и актах древнейшей эпохи чешской истории часто встречаются упоминания о рабах (в древнейших памятниках церковнославянского периода) и «*servi*», или «*mansipia*» (в источниках латинских). И. Шуста в своей статье о «Рабстве и крупном поместье»¹⁷ пытался доказать, что в Чехии до конца XII в. господствовало рабовладение. Основываясь на устарелой предпосылке, что чехи были «народом боевым и охотничьим»¹⁸, он пришёл к выводу, что «период от конца IX до конца XII в. является временем расцвета рабства» (разрядка моя. — Ф. Г.)¹⁹. Шуста пришёл к этому заключению, толкуя термин «*servi*» просто в смысле рабы. Выводы Шусты некритически усвоило большинство чешских буржуазных историков.

Всем известно, что термин «*servus*» в классическом латинском языке действительно означал раба. Однако в европейской терминологии X и XI вв. — а терминология чешских актов не развивалась самостоятельно, а была перенесена в Чехию католическими священниками и монахами с Запада — этот термин уже утратил первоначальный смысл. При сравнении терминологии баварских источников (а баварские миссионеры систематически приходили в Чехию) окажется ясным, что слово «*servus*» в IX и X вв. не-

⁹ Так называемый Далимил (автор — неизвестный шляхтич) — это рифмованная хроника с острой противомещанской тенденцией. Наиболее доступным изданием является издание И. Иречка в *Fontes rerum bohemicarum*, т. III, цитируемое место на стр. 8.

¹⁰ Название «община» имеется в грамоте 1370 г., по ней крестьяне получали землю «*pro re publica, quod vulgariter obczizna pincupatur*» (*Em l'er. Decem registra censuum*, стр. 241).

¹¹ Так называемая *Knihа rožmberská* является частной компиляцией права конца III столетия. Наиболее доступное издание — В. Брандла 1872 г. («*Kobyli pole*» на стр. 108—109 и словарь Брандла).

¹² G. L. a b u d a. *Pierwsze państwo Słowian-ów*. Państwo Samona Poznań 1949.

¹³ CDB, II, № 227. стр. 212.

¹⁴ Хроника Козьмы, стр. 102, 176. Изд. Бретгольца.

¹⁵ Б. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 81; см. его же. Феодальные отношения..., стр. 70, 160—162.

¹⁶ Ср. Б. Греков. Феодальные отношения..., стр. 25, 102 и сл.

¹⁷ И. Шуста. Рабство и крупное поместье. Второе издание в сборнике его статей «*Úvahy a drobné spisy historické*», I, стр. 68—92. 1934.

¹⁸ Там же, стр. 72—73.

¹⁹ Там же, стр. 74.

совместимо с понятием «раб». Старейший баварский свод законов, «Lex Baiuvariorum» (IX в.) говорит о «servi», которые идут в поход, владеют своим имуществом и т. д.²⁰ И вообще во всех источниках эпохи Каролингов выражение «servus» применяется в смысле, отличном от классического понятия «раб».

Мы можем и на основании чешских источников показать, что «servus» X и XI столетий — не раб. Уже в Раффельштеттенском таможенном тарифе, относящемся к началу X в., говорится о «servi», которые ведут торговлю. В старинном тексте так называемой жалованной грамоты Литомержичкой (около 1057 г.) упоминаются «servi», которые привозят на своих ладьях по Лабе соль²¹, а чешская глосса XII в. переводит обозначение «servus» чешским выражением «gobotnik»²², которое в позднейшее время стало обычным обозначением зависимого крестьянина, выполняющего повинную работу. Текст чешских актов в целом свидетельствует, что писавшие эти акты (в большинстве случаев это были монахи иностранного происхождения) не создавали своей собственной терминологии, а пользовались обычной в Европе терминологией, в которой слово «servus» давно уже перестало обозначать раба.

Существование подлинных рабов в Чехии, однако, не вызывает сомнения. Жития говорят о том, что св. Вацлав и св. Войтех купали рабов; о продаже рабов говорит и старейший чешский хронист Козьма²³, а в учредительной грамоте Бржевновского монастыря около Праги, относимой ко времени до 993 г. (в нынешней известной нам форме это, правда, подделка XIII в.) князь дарует монахам «decimum hominum captivum»²⁴, т. е. прямо десятую часть взятых в плен на войне рабов. Однако из источников, осведомляющих нас о жизни в деревне и в поместьях шляхты, мы не можем привести ни одного сообщения о том, чтобы рабы играли важную роль в земледелии или даже преобладали в нём. Хотя наши источники весьма скудны, однако они дают достаточно ясное представление о прошлом и в них не могло бы не отразиться преобладание рабов, если бы оно существовало в действительности.

При разборе наших древнейших источников мы не можем, таким образом, придти

²⁰ Цитирую по изданию Schwind. Monumenta Germaniae histor. LL, sectio I. Ob участии в боях — стр. 298—299, имуществе — стр. 436, доме — стр. 384—385.

²¹ Раффельштеттенский таможенный тариф (в нём имеется упоминание и о русских купцах) издан в CDB, I, № 31, стр. 33—36. Известие о «servi», торгующих солью, издано там же, № 55, стр. 55.

²² См. V. Flašh a n s. Nejstarší památka jazyka i písemnictví českého, стр. 114—115.

²³ Liber II, cap. 7. О продаже рабов в Чехию упоминает также хроника Гельмольда — Cronica Slavorum, MG. SS. XXI, стр. 91.

²⁴ CDB, I, № 375, стр. 348.

к иному заключению, чем то, к какому пришли советские историк в отношении древнейшей эпохи русской истории: существование рабов в Чехии в X—XII вв. бесспорно, но утверждать, что они преобладали в хозяйстве или что в Чехии был «рабовладельческий строй», нет ни малейших оснований. Наоборот, все известные нам факты исключают подобную возможность.

Обратимся теперь к рассмотрению феодальных отношений в Чехии в ту же эпоху²⁵. Житие св. Вацлава, написанное Лаврентием в X в., сообщает об одном из чудес святого: «Как было обычным для людей, живших в состоянии подчинения в этом королевстве (в Чехии), каждый должен работать на своего господина пять дней в неделю». («Nam sicut moris est hominibus regni illius sub servili conditione degentibus, quatinus nisi expleto seniorum dierum spatio in dominorum suorum opere sumet liberam non habent facultatem operis») Однажды в субботу один «servus» пошел на своё поле для сбора прося и работал, пока хватило сил. Однако он не закончил работы, и поэтому на следующий день его жена пошла на поле работать, чтобы кончить сбор. Дело было в воскресенье, когда церковь не позволяет работать. В наказание у женщины отнялась рука, и только благодаря заступничеству св. Вацлава она выздоровела²⁶. Я нарочно этот рассказ изложил подробнее, так как он ясно передаёт некоторые черты феодализма: господин принуждает несвободного земледельца работать на его поле известное число дней внеэкономическим принуждением, «servus» имеет собственное поле, на котором работает в свободные от работы на хозяина дни. Далее заслуживает внимания указание Лаврентия, что таков был обычай в Чехии. Лаврентий, правда, был итальянец и писал своё житие в Италии. Тем не менее он имел очень подробное представление о чешских порядках. В подтверждение нашей мысли мы имеем ещё и иные данные. Если обратить внимание на тех, кого князья, короли и шляхта дарят монастырям и капитулам, то можно установить, что дело касается — в основе — двух разных групп, независимо от терминологии, которая не всегда устойчива. В первом случае дарятся просто люди без земли, в другом — «люди с землёю» (aratores cum aratris, servi coloni hospites cum terra). Если речь идёт о дарении людей без земли, то это почти всегда ремесленники: сапожники, кузнецы, виноградари, рыболовы и т. д. (хотя и они иногда жалуются с землёю). Если же в дар приносят земледельцев, то почти всегда с землёю: они привязаны к земле. Так, князь Бржетислав подарил монастырю в Бржевнове как серва

²⁵ В. И. Ленин характеризовал феодализм четырьмя признаками: 1) господство натурального хозяйства, 2) мелкое производство, 3) внеэкономическое принуждение и 4) примитивный уровень техники. Это определение отличя формулировано прежде всего для отличия феодализма от капитализма. См. Соч. Т. 3, стр. 158—159. 4-е изд.

²⁶ Fontes rerum bohemicarum. I, стр. 180.

какого-то человека, который должен был быть осуждён на смерть, причём прибавил к нему и участок земли («*addita terra*»), поскольку сам по себе человек не имел цены²⁷. В отличие от подлинных рабов, которых господин мог дарить, как хотел, несвободный земледелец при феодализме становился как бы частью земли; во всяком случае, для господина без земли он цены не имел.

Существование феодальных отношений в древнейшую эпоху истории Чехии можно доказать ещё и иными аргументами. Обратим внимание на старейший из сохранившихся списков отдельных деревень Островского монастыря, составленный около 1000 года. Мы видим здесь, что деревни этого монастыря рассеяны по всей средней Чехии²⁸. Это же явление можно наблюдать и по иным актам: феодальные владения обычно были не сосредоточены, а разбросаны²⁹. То же встречаем и в жалованных грамотах, касающихся дарения монастырям известных текущих сборов (*decimae mellis, frumenti etc.*). Я лично склоняюсь к тому взгляду, что феодализм в Чехии был уже в X в. господствующим явлением. Для XI в. это можно вполне убедительно доказать.

Маркс в третьем томе «Капитала» различает три формы феодальной ренты: отработочную ренту, ренту натуральную и ренту денежную³⁰. Первые две формы мы не можем ясно различить в древней Чехии ввиду крайней отрывочности материала, поэтому я буду считать (подобно К. В. Базиливичу в отношении России³¹) эти этапы одной эпохой и отделяю её от времени господства денежной ренты.

Арабский купец Ибрагим ибн-Якуб сообщает о Чехии X столетия, что тут платёжным средством были «платочки», которые служили исключительно для платежей. В X в., правда, появляются уже первые чешские монеты — такие монеты были найдены даже в России³², однако монеты не

были тогда главным платёжным средством. «Платочками» пользовались купцы, так же как они пользовались и чешским серебром, известным тогда и в Болгарии³³. В деревнях же и в поместьях преобладали натуральные платежи.

В чешских грамотах денежные платежи упоминаются только в исключительных случаях — преобладают расчёты натурой. Только к концу XII в. чеканка монет начинает развиваться в более широкой мере, и чешский нумизмат Г. Скальский определяет для того времени приход от всеобщего обложения (дань мира — *tributum pacis*) на основании данных грамот приблизительно в 250 тыс. денаров³⁴.

Концом этого периода отработочной и натуральной ренты можно считать половину XIII века. В этот период достигает полного развития процесс колонизации, соединённый в Чехии с правом эфитевзиса, которое заменяет обязательные работы и натуральные платежи подчинённого населения платежами денежными³⁵. Причины, вызвавшие колонизацию и самый ход колонизации, в чешской исторической литературе доньше не выяснены в достаточной степени. Их исследование остаётся одной из важных задач чешских медиевистов.

Попробуем подвести итоги. Разбор исторического материала подтверждает, что идея об «отсталости» славян в первые этапы феодализма является тенденциозным вымыслом, часто умышленно распространяемым. Марксистская историческая наука использует и истолковывает источники лучше и полнее, чем это делала старая чешская историография. Марксисты не идут в своём исследовании от понятий к вещам, но поступают как раз наоборот: разбирают критически материал и только на его основе оценивают факты. Надеюсь, что настоящий мой опыт послужит доказательством того, что с успехом можно использовать и применить к изучению чешской истории методы, выработанные советскими историками. Только на основе широкого научного исследования материала можно прийти к выяснению истории происхождения народов и начала их исторической жизни.

²⁷ CDB, I, № 379, стр. 353. Грамота относится к 1045 г., но дошедшей до нас форме она была написана только в XIII веке.

²⁸ Там же, № 40, стр. 46—47.

²⁹ Этот факт можно весьма ясно видеть в завещании шляхтича Грознаты, который в 1197 г. подарил всё своё имущество монастырю в Тепле (CDB, I, № 357, стр. 323—325).

³⁰ См. К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 802 и сл. Госполитиздат. 1949.

³¹ См. «Опыт периодизации истории СССР феодального периода». «Вопросы истории» № 11 за 1949 год.

³² Ср. А. Флоровский. Чехи и восточные славяне. I. стр. 180—181. Прага.

1935; ср. также Ф. Михалевский. Деньги в феодальном хозяйстве, стр. 217—218.

³³ См. Лаврентьевская летопись, стр. 67. Изд. 1926 года.

³⁴ G. Skalický. Mincovní reforma Václava II. (Český časopis historický. XL, 1934, стр. 20—21).

³⁵ Извлечения из грамот этого времени изданы в публикации *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, тт. I и II (издатели — Эрбен — Эмлер).